

Werk

Titel: Zametki o pokazatele "glagol'noe imja + -č'" v istorii tjurkskich jaz'kov

Autor: Nasilov, Dmitrij M.

Ort: Wiesbaden

Jahr: 2016

PURL: https://resolver.sub.uni-goettingen.de/purl?666048797_0020 | LOG_0027

Kontakt/Contact

[Digizeitschriften e.V.](#)
SUB Göttingen
Platz der Göttinger Sieben 1
37073 Göttingen

✉ info@digizeitschriften.de

Заметки о показателе “глагольное имя + -čī” в истории тюркских языков

Dmitrij M. Nasilov

Nasilov, Dmitrij M. 2016. Заметки о показателе “глагольное имя + -čī” в истории тюркских языков (‘Remarks on the formative consisting of “a verbal noun + -čī” in the history of Turkic languages’). *Turkic Languages* 20, 179–185.

В статье рассматриваются некоторые вопросы исторической грамматики тюркских языков, которые возникают в связи с процессом формирования футуральной парадигмы в функционально-семантическом поле темпоральности. Начиная с данных первых рунических тюркских текстов, футуральная парадигма предстает как гетерогенное образование, в которое входит несколько показателей, характеризующихся не только семантикой предстоящего действия, но обязательно и модальными коннотациями. Примечательно, что уже в языке этих памятников, а также памятников последующих периодов—древнеуйгурского и караханидского, активными оказались показатели, построенные по единой модели “глагольное имя + -čī”: *-tačī*, *-mačī*, *-γučī*, *-γičī*, *-makčī*. Автор делает попытку найти функционально-семантические основания для возникновения указанной модели и ее удивительной устойчивости в глагольных системах многих современных тюркских языков. Одновременно затрагиваются некоторые теоретические проблемы эволюции и функционирования грамматических показателей в агглютинативных тюркских языках, в частности аффикса *-čī*, который, если признать его полифункциональность, мог выступать в именных и глагольных дериватах.

The article addresses several issues in the history of Turkic grammar that are linked to the formation of future tense paradigms as part of the functional field of temporality. The most ancient Old Turkic Orkhon texts written in the runiform script already reveal Old Turkic future tense paradigms to be a very heterogeneous phenomenon, represented by a variety of forms characterized not only by future reference, but also by modal components in their semantics. It is remarkable that both Orkhon Old Turkic texts and the texts of the later periods of East Old Turkic (Old Uyghur and Karakhanid) contain forms built by the same pattern of a verbal noun + *-čī*: *-tačī*, *-mačī*, *-γučī*, *-γičī*, *-makčī*. The author attempts to find functional and semantic grounds for the emergence and stability of this pattern in Turkic language verb systems, including those of modern Turkic languages. Some theoretical problems of the evolution and functioning of grammar morphemes in agglutinative Turkic languages are also addressed in this connection. In particular, the affix *-čī* could be added to both nominal and verbal stems, if we agree to consider it multifunctional.

Dmitrij M. Nasilov, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow 125009, Bolshoy Kislovsky lane 1, Building 1, Russia. E-mail: nadi1803@mail.ru

Письменные памятники являются важнейшим источником сведений об определенных этапах развития письменного литературного языка, поскольку в них наряду с традиционными (в некоторых случаях и архаическими) языковыми формами фиксируются и диалектные явления соответствующего хронологического периода. Именно эти диалектные факты становятся ценным источником для исторической грамматики. Особое значение для истории тюркских языков имеют самые старые древнетюркские тексты, зафиксированные древним тюркским письмом, которое обычно называют руническим. Эти письменные памятники из бассейнов Орхона и Енисея остаются самым древним и единственным автохтонным источником сведений о языке и жизни тюркских племен в раннем средневековье. В этом их лингвистическая и историческая ценность. Далее идут тексты, которые в российской тюркологии принято относить к памятникам древнеуйгурского языка. Наконец, исключительное место занимает уникальный памятник “Диван лугат ат-тюрк” Махмуда Кашгарского, в котором представлена лексика и грамматика тюркского языка караханидской эпохи.

При использовании языковых материалов из этих памятников при изучении истории развития древних тюркских диалектов важно выделить в языке памятника те грамматические данные, которые определяются литературным статусом письменного текста, и те лексические и грамматические особенности, которые отражают особенности речи его автора, носителя конкретного древнего тюркского диалекта или говора. Ясно, что именно эти особенности характеризуют местную живую речь, то есть говорят о языке повседневного общения тюрок.

Так определяются базисные элементы языковой системы, которые представляют языковую норму, опирающуюся либо на литературно-языковые традиции, либо на сложившийся в данном языковом сообществе стандартный тип языка, и периферийные компоненты, которые характеризуют вариативность этой нормы. Важно оценить соотношение этих двух явлений в языке памятника, а потом посмотреть на их отражение в других текстах того же времени.

Например, совершенно ясно, что в языке орхонских текстов перфект представлен формой *-mīš*, которая и является нормой, но не *-yan*, которая находится на периферии нормы, хотя несколько раз *-yan* встречается в рунических текстах, то есть последняя форма является региональной, отражает местные особенности живой речи тюрок.

Посмотрим, какое место в темпоральной системе рунических текстов занимает глагольная форма *-tačī / -dačī*, которая впервые отмечается в памятниках с Орхона и Енисея. В грамматиках данная форма трактуется как причастие будущего, а иногда и настоящего-будущего времени, и как предикативная основа одной из форм будущего времени.

Система презентно-футуральных форм в рунических памятниках демонстрирует динамическое развитие; она еще не сложилась полностью, хотя продолжает восходящую к общетюркскому состоянию общую линию развития

временной системы. Интересно, что несмотря на предполагаемую близость между собой древних тюркских диалектов, именно в их временных системах заметны различия. Это еще раз подтверждают близкие по времени тексты на древнеуйгурском языке и более поздние памятники Караханидской эпохи.

Наибольшую подвижность показывают формы с футуральной семантикой. При этом следует помнить, что вообще формирование форм будущего времени в языках происходит позже по сравнению с формами претерита и презенса.

Единственной формой настоящего времени в рунических текстах является форма на *-(V)r*, которая выражает действие, находящееся в разных точках по отношению к собственно моменту речи. И только в особых условиях, и только при наличии обстоятельств *-(V)r* может указывать на действие в будущем.

Футуральная парадигма в рунических памятниках была представлена формой *-tačĭ / -dačĭ*, отрицательным аналогом которой выступала форма *-mačĭ*. Образования на *-tačĭ*—уже как глагольные имена—выступали и в атрибутивной функции и, естественно, могли субстантивироваться. В данном случае этой форме в грамматиках придается статус причастия будущего времени (the future participle): *ölteçi bodunuğ tir(i)gürü igittim* ‘ölecek halkı diriltip doyurdum’ (KT D 29); *üküş ölteçi anta tirilti* ‘(bu sayede) pek çok ölecek (kişi) hayatta kaldı (BK D 31)’.

Говоря о семантике этой формы, следует сказать, что, на наш взгляд, определение ее как формы со значением обычного будущего действия требует уточнения. Здесь важно учитывать, что темпоральная система, которая зафиксирована в рунических памятниках, в сфере футуральной парадигмы только формировалась. В нее втягивались разные формы, в том числе и глагольное имя на *-tačĭ*; неслучайно её отрицание имеет супплетивный вариант *-mačĭ*. Поскольку отглагольные именны формы всегда имели сложную семантику, то и имя на *-tačĭ* обладало рядом модальных нюансов. Важно прежде всего отметить, что это имя имело агентивную семантику. Однако его модальной коннотацией было указание на то, что осуществление действия возможно только на основе реализации свойств, заложенных в субъекте действия. Указанное значение присутствовало и в предикативной функции *-tačĭ*. Это дает основание определять время на *-tačĭ* как “будущее потенциальное”.

Наиболее чётко данное значение потенциальности будущего действия проявляется, конечно, в отдельных независимых предложениях со сказуемым в форме *-tačĭ*: *Bilge Tonukuk aňıǵ ol üz ol. Sü yolum, tedeçi. Unamañ!* ‘Bilge Tonukuk, aksi mizaçlıdır, öfkelidir. Orduyu sevk edelim, diyecektir. Kabul etmeyin!’ (T K 11); ... *bödke körügme beglergü yanıltaçı siz* ‘Tahta itaat eden beyler (sizler) mi yanılacaksınız?’ (KT G 11); *Tegmeçi men teyin sakıntım* ‘(O halde) sevk etmeyeceğim // etmemeliyim diye düşündüm’ (O S 2); *Yana içik, ölmeçi yetmeçi sen* ‘Sen yeniden bağımlı ol, (o halde) ölmeyeceksin, acı çekmeyeceksin’ (Mç 17).

В условных полипредикативных конструкциях с зависимым предикатом, выраженным деепричастием *-sar*, в главном сказуемом значение формы *-tačĭ*

дополняется такисными отношениями: временным соотношением двух событий: *Ol yergerü barsar tütk bodun ölteçi sen* ‘O yere doğru giderse, türk halkı, öleceksin = ölme durumuna geleceksin (KT G 8)’; *Tabgaç, oğuz, kitan bu üçegü kabışsar, kaltaçi biz* ‘Çinliler, oğuzlar, kıtaylor, bu üçü birleşirlerse (biz) çaresiz kalırız’ (T G 6); *Bu yolun yorisar yaramaçi* ‘Bu yoldan yürüseğ iyi olmayacak’ (T E 6); *Kül Tegin yok erser kop ölteçi ertigiz* ‘Kül Tegin yok olsa (idi) hep ölecek idiniz’ (KT K 10). В таком случае действие главного действия ещё зависит и от условий, указанных в зависимом члене условного оборота.

Когда мы обращаемся к другим руническим текстам, например, к “Книге гаданий” (*İrq bitig*), то видим, что в её языке появляется другая форма будущего времени—форма на *-γau*, которая уже в дальнейшем, в древнеуйгурском языке, становится доминантной. Интересно, что форма на *-γau*, хотя с самого начала функционировала только как предикативная, также обладала широким спектром модальных значений. Эти модальные значения стали основой для развития в разных тюркских языках форм желательного или долженствовательного наклонений.

В связи с семантикой древнетюркской формы на *-tačī* следует, во-первых, отметить, что в ее составе можно вычленил элемент *-čī*, т.е. представить *-tačī* как композит “*-ta+čī*”. Во-вторых, интересно, что в древнетюркских языках наряду со словоформами на *-tačī* не только существовали и другие глагольные дериваты, образованные аффиксами, построенными по той же модели, но они также тяготели к футуральной парадигме. Таковыми были формы на *-γu + -čī*, *-iy + -čī*, *-mak + -čī* и упоминаемая отрицательная форма *-ma + -čī*, первую и последнюю формы в грамматиках обычно определяют как причастие будущего времени, а остальные—как глагольные имена с агентивным значением, имена деятеля (*agent nouns*). Структурные и функциональные особенности указанных форм в древнетюркских текстах подробно показаны в работах М. Эрдала [Erdal 1991; Erdal 2004].

Все эти глагольные дериваты объединяют несколько признаков. Во-первых, конечно, общая структурная модель показателя, в котором начальным компонентом является глагольное имя со значением *nomem actionis*, и именно в значении процессности аффиксов *-γu*, *-iy*, *-mak* заложена возможность их дальнейшей модификации. Вторым компонентом выступает *-čī*, естественно соотносимый с общетюркским аффиксом именного словообразования *-čī*. Обладающий агентивным значением показатель *-čī*, сохраняющий свою продуктивность и активность на всей доступной истории тюркских языков, обозначает сущностное, субстанциональное свойство субъекта, и это свойство, естественно, обеспечивает только такие действия (или особенности, проявления) субъекта, которые как раз зависят, определяются данными его способностями, потенциами. Эти способности реализуются и как профессия, и как привычка, и как склонность субъекта в зависимости от семантики производящей основы или узуса использования деривата.

Во-вторых, в семантике древнетюркских дериватов с *-γučī*, *-īγčī*, *-makčī*, как и с *-tačī*, наличествуют модальные коннотации. Для *-tačī* это, как указывалось, потенциальность в проявлении признака, для *-γučī*—оттенки долженствования или обязательности реализации свойства, для *-īγčī*—активная или устойчивая реализация потенций, для *-makčī*—оттенки возможности или желательности. Такие вариации модальных коннотаций зависят прежде всего от семантики глагольных дериватов (глагольных имен), образуемых с помощью первых компонентов сложных, или вторичных, аффиксов с *-čī* и репрезентирующих соответствующие особенности процессной составляющей каждого конкретного глагольного имени, производного от конкретной глагольной лексики. Частные примеры из древнетюркских текстов можно легко найти, например, в Древнетюркском словаре.

В-третьих, модальные коннотации во всех приведенных дериватах, как видно из толкований, характеризуются проспективностью, направленностью в будущее, ожидаемостью проявления признаков или свойств и в будущем. Поэтому совершенно закономерно, что указанные формы, функционирующие либо как атрибутивы, либо как вторичные, зависимые предикаты, или как конечные предикаты, сказуемые в целом входят (лучше сказать, обслуживают) в зону футуральной семантики функционально-семантического поля темпоральности древнетюркских языков. В памятниках разных периодов мы видим, как меняется в темпоральной системе соотношение центральных, базисных и периферийных форм, обозначаемых в грамматиках как “формы будущего времени”.

В-четвертых, примечательно, что во всех вторичных формах участвует аффикс *-čī*. На уровне древнетюркской эпохи видно его продуктивное использование при образовании чисто отыменных дериватов, т.е. от имен существительных, и от глагольных имен в случаях вторичной деривации: “основа глагола + аффикс глагольного имени + *-čī*”. Из этой семантики агентивности вытекают и модальные особенности будущего потенциального времени на *-tačī* и других аффиксов в древнетюркских памятниках.

В-пятых, обращает на себя внимание примечательный факт, что рассматриваемая структурная модель показателя “глагольное имя + *-čī*” продолжает жить в темпоральной парадигме современных тюркских языков. Как более поздние структурные аналогии рассмотренной временной формы следует указать на старые (чагатайский, османский языки) и современные (кумыкский, ногайский, узбекский, уйгурский и др. языки) глагольные формы на *-makčī*. Они рассматриваются или как один из вариантов будущего времени, или как желательное наклонение: узб. *bormoqčī-man* ‘я хочу пойти, я намериваюсь пойти, я пойду’. Здесь узбекское причастие настоящего-будущего времени на *-uwčī*—*yozuwčī* ‘пишущий, писатель’, *boruwčī* ‘идуший’; карачаевское причастие *-uwčī*—*aytuwčī* ‘рассказчик’ и пр. Сравнение витальности этого показателя по разным тюркским языкам—это отдельная тема.

В-шестых, отдельной темой является также и обсуждение вопроса, было ли в древнетюркском языке причастие на *-čī*, которое можно видеть в отрицательной форме *-mačī—bu yolın yorısar yaramačī tedim* ‘если идти этой дорогой, то [это] не подойдет, - я сказал’. Или здесь *-mačī < -ma + (*-ya/u) + -čī*, или же *-ma + (-mak) + -čī*, или же иные варианты этимологий, в том числе оморфы *-čī* как причастие будущего времени и как отыменной аффикс.

В целом, здесь наличествует существенная проблема исторической морфологии тюркских языков. Речь идет о направлении развития морфологических категорий и соответствующих показателей в сфере глагольно-именного словообразования и словоизменения (точнее—формообразования). Известно, что с углублением в историю тюркских языков в системе глагольных дериватов наблюдается “полисемантическая” и “полифункциональная”, которые позволяют этим производным выступать в разных синтаксических позициях в структуре высказывания для достижения определенных коммуникативных целей, однако одновременно следует также и допустить, что некое семантическое единство дериватов или некий их семантический “стержень”, вносимый формантом в словоформу, был основой тех ее внутренних свойств, которые позволяли этой словоформе обслуживать определенный набор смыслов, подлежащих репрезентации в рамках одной ситуации.

Один из таких процессов, охвативший все без исключения древнейшие диалекты, шел в направлении преодоления полисемантической и полифункциональности морфем и многозначности выражаемых ими форм. Другой, не менее глобальный процесс, связан с формированием и формализацией субъектно-объектных отношений и модальных признаков обозначаемой ситуации. Первый вел к взаимному дистанцированию отглагольных образований, к становлению отдельных функциональных форм глагола в совокупности с формальными средствами и правилами (моделями) встраивания их в структуру высказывания / предложения; второй обозначал кристаллизацию залоговых отношений и складывание парадигм, в частности аспектуально-темпоральных, внутри формирующихся различных наклонений глагола.

В ходе истории раннее затухание словообразовательной функции определенных аффиксов позволило шире использовать их в сфере формообразования в области глагольных имен, где эти аффиксы сохраняют активность на протяжении всего обозримого периода развития тюркских языков.

Указанные особенности поведения аффикса *-čī* при именных и глагольных основах подтверждают точку зрения о том, что для ранней истории тюркских языков распределение показателей на именные и глагольные является весьма условным, здесь лучше говорить о едином полифункциональном показателе.

References

- Eraslan, K. 2012. *Eski Uygur türkçesi grameri*. Ankara: Türk Dil Kurumu.
- Erdal, M. 1991. *Old Turkic word formation: A functional approach to the lexicon* 1–2. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Erdal, M. 2004. *A grammar of Old Turkic*. Leiden: Brill.
- Gabain, A. von 1974. *Alttürkische Grammatik*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Кононов 1980: Kononov, A. N. 1980. *Grammatika jazyka tjurkskix runičeskix pamjatnikov VII–IX v.* Leningrad: Nauka.
- Кормушин 2008: Kormušin, I. V. 2008. *Tjurkskie enisejskie ėpitaġii: Grammatika, tekstologija*. Moskva: Nauka.
- Насилов 1960: Nasilov, V. M. 1960. *Jazyk orxono-enisejskix pamjatnikov*. Moskva: Nauka.
- Севортян 1966: Severtjan, Ė. V. 1966. *Affiksy imennogo slovoobrazovanija v azerbajdžanskom jazyke: Opyt sravnitel'nogo issledovanija*. Moskva: Nauka.
- Tekin, T. 1968. *A grammar of Orkhon Turkic*. (Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series 69.) Blomington: Indiana University. The Hague: Mouton.
- Tekin, T. 2008. *Orhon yazıtları*. (Türk Dil Kurumu Yayınları 540. 3.) Ankara: Türk Dil Kurumu.
- Тенишев 1988: Tenišev, Ė. R. (ed.) 1988. *Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika tjurkskix jazykov. Morfologija*. Moskva: Nauka.